

Выступление проф. Ирхина Ю.В. на круглом столе по обсуждению итогов выхода “Социологической энциклопедии” в институте философии РАН 22 декабря 2003 г.

К вопросу о кросскультурных исследованиях: Восток–Запад

ИРХИН Юрий Васильевич - доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления Российской Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Существенным достоинством первой в Российской Федерации двухтомной Социологической энциклопедии является наличие в ней обстоятельного корпуса статей по всем основным методологическим аспектам социологии. Прежде всего, это статьи “Методика”, “Методология” (из трех статей В.С. Швыркова, В.М. Разина, А.П. Огурцова), “Методология социологического исследования”, “Социологическая методика”, обзор работы П.Ф. Лазарсфельда “Методологические проблемы социологии”, более 30 (!) специальных статей об основных и прикладных социологических методах и методиках исследования. Проблемы методологии хорошо раскрыты также в базовых статьях Энциклопедии: “Социология” (Г.В. Осипов), “Социология в России” (Г.В. Осипов), “Социология политическая” (Ж.Т. Тощенко), “Социология в странах Восточной и Центральной Европы” (З.Т. Голенкова, В.Н. Иванов), “Социология историческая” (Н.В. Романовский), “Социология религии” В.И. Гараджа), “Культура” (В.С. Степин) и др., в очерках о признанных социологических школах, в обзорах монографий ведущих российских и зарубежных социологов.

На наш взгляд, именно глубокая научная разработка ведущих теоретико-методологических аспектов социологии является отличительной чертой двухтомной Социологической энциклопедии, делает ее долговременным, надежным ориентиром в океане социологического и общегуманитарного знания.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на актуальные проблемы методологии сравнительных исследований политики и культуры.

При изучении культуры и социо-политического генезиса различных обществ широко используются различные подходы сравнительного исследования. В самом общем виде кросснациональные исследования подразделяются на два типа: одни ограничены отбором переменных, общих для многих стран, с отчетами и анализом данных, относящихся к этим

переменным; другие ориентированы на сравнения в ходе изучения исторических ситуаций. Широко распространены также следующие подходы: *географический* (локализация культур в географическом пространстве); *хронологический* (выделение самостоятельных этапов в историческом развитии, то есть локализация во времени); *национальный* (изучение отличительных черт культуры на всем протяжении ее исторического развития).

Сравнительно-сопоставительный метод дает возможность выявлять природу разнородных объектов и объяснять причины связей. Историко-генетическое сравнение позволяет раскрыть сходство явлений как результат их тождества по происхождению. Историко-типологическое сравнение - сходство не связанных по своему происхождению объектов одинаковыми условиями их становления и развития.

Сравнительно-сопоставительный метод является одним из старейших в гуманитарных науках, однако широко он стал использоваться с конца XIX – начала XX веков, особенно в рамках институализировавшихся во многих странах Запада социологии и политической науки. В этих условиях стало распространенным *субстанциальное сравнение* – сопоставление не только форм, но и анализ их наполнения. Межстрановые и международные сравнения стали проводиться на основании элементного состава сопоставляемых объектов, например, установок, определяющих политические действия. Были распространены также *интегральные* сравнения, исходящие из всеобъемлющего охвата элементов внутренней и внешней среды, действующих на целостную систему. Выделился особый тип сравнения, возникающий при учете темпоральности (временного фактора) политических явлений и процессов (кросс-временные сравнения, анализ сквозь время).

В последние десятилетия все шире распространяется типология сравнительных исследований с подразделением их на бинарные, региональные, глобальные, кросс-темпоральные, цивилизационные (межцивилизационные) и др. Используются и иные методы ранжирования сравнительных кросскультурных исследований, в частности, применения дихотомичных и трихотомных схем, шкал и матриц, “case-studies”.

В современной литературе выделяется несколько основных типов компаративистских, кросскультурных исследований:

1. Страноведческие описания культуры и политики.
2. Анализ сходных процессов и институтов в ограниченном пространстве стран.

3. Использование типологий и иных форм классификационных схем (ценностных, институциональных, дихотомических и др.), как для сравнения группы стран, так и для прояснения внутренней культуры и политики в отдельных государствах.

4. Статистический и дескриптивный анализ совокупности стран, выделенных, как правило, по географическим, культурным или цивилизационным показателям, для проверки некой гипотезы о соотношении переменных в рассматриваемой “выборке”.

5. Статистический анализ общемирового уровня, направленный на выявление структур или тестирование отношений при учете всего массива культур и цивилизаций.

Кросскультурный анализ социодинамики культур и политики в различных странах позволяет выделить общее и особенное в их историческом и цивилизационном генезисе, лучше понять и творчески использовать накопленный человечеством опыт культурного и политического развития. Д. Белл справедливо замечал, что “Идеи и культуры не меняют ход истории – по крайней мере, в одночасье. Однако они являются необходимой прелюдией к переменам, поскольку сдвиги в сознании – в системе ценностей и моральном обосновании – толкают людей к изменениям их социальных отношений и институтов” [1, с. 650•].

В основе современного подхода к социокультурным процессам лежит реальный факт “глобализации” общественного развития. Действие этой тенденции предопределяет возрастающая интенсивность связей и отношений – экономических, социально-политических, культурных, научно-технических, коммуникационных, как бы “стягивающих” общества современного мира. Эти связи, отношения, контакты и причастности придают формирующейся планетарной цивилизации некое системное качество: увеличивается всесторонняя взаимозависимость различных обществ, стран, регионов, все активнее влияющих друг на друга. Интенсивность глобальных взаимосвязей способствует быстрому распространению на большей части планеты тех форм политической, социальной и особенно экономической жизни, тех типов культуры, знаний и ценностей, которые воспринимаются как наиболее эффективные, оптимальные или просто разумные для удовлетворения личных и общественных потребностей.

В Президентском Послании А. Мартинелли XV Всемирному социологическому конгрессу Международной социологической ассоциации (г. Брисбен, Австралия, 2002 г.) справедливо обращалось внимание на явную недостаточность изучения *только* национальных явлений и структур, вне учета воздействия на них глобализационных процессов: “Социологи в целом изучали свои общества и реже общества иные, но обычно они рассматривали общества, как отдельные единицы, каждое с четкими национальными границами. Их фокус был сосредоточен на получении знания о внутренней динамике

общества и структур, его культурного кода, его специфических механизмов интеграции, конфликта и перемен, иногда с некоторыми компаративными взглядами, реже с компаративным подходом. Сегодня глобализация означает не только появление нового объекта исследования – мир как таковой, но требует, чтобы любое конкретное исследование ставилось в рамки глобального контекста, так как каждая часть мира все больше взаимозависима со многими другими и мир как таковой все более присутствует во всех своих частях” [13, р. 2]. А. Мартинелли отмечал, что “необходимо поднять уровень анализа на глобальный и любое исследование вести с точки зрения мировой системы. Изучение мирового общества и его отношений с национальными и локальными реалиями должно стать центральной темой исследования” [13, р. 2].

Глобализация не означает какой-либо унификации или спрямления генезиса макрорегиональных и локальных цивилизаций. Во-первых, каждое общество и социальная группа берут из общечеловеческого опыта только те формы жизни, которые они в состоянии освоить в рамках своих социально-политических, экономических и культурных возможностей. Во-вторых, реакцией на глобализацию является инстинктивное стремление различных человеческих общностей к сохранению собственной идентичности, которое особенно сильно проявляется в сфере культуры, религии, национального сознания. В-третьих, ряд цивилизаций и обществ, находясь на ранне-индустриальном этапе развития, пока слабо вписываются в систему и сети глобальной взаимосвязи.

В западной социологической литературе существует точка зрения о том, что нынешняя евро-американская цивилизация достигла предела своего совершенствования и речь может идти лишь о преобразовании по ее образу и подобию остальных частей мира. Особенно ярко эта мысль была выражена в публикациях американского исследователя Ф. Фукуямы, который полагал, что “Триумф Запада, западной идеи очевиден в первую очередь из-за полного крушения всех альтернатив западному либерализму” [10, р. 17-18].

Правильно указывая на сильные и рациональные стороны и свойства евро-американской цивилизации, профессор Ф. Фукуяма по сути ограничивает возможности ее совершенствования, выводя их из потребительского типа человека. Такой подход, во-первых, по сути, игнорирует потенциал всей остальных цивилизаций; во-вторых, выводит из сферы анализа серьезные кризисные явления в развитии западной, индивидуалистично-техногенной цивилизации во многих ее проявлениях – от сфер политики и культуры до экономики и природопользования; в третьих, заданная им картина цивилизационного развития не предполагает равноправного участия в мировых делах остальной части человечества.

В этой связи важен перенос центра тяжести в представлениях о современном мире с его противоречивости и расколотости на позитивный потенциал развития и равноправного сотрудничества различных цивилизаций, на целостность и взаимозависимость мирового сообщества, в котором мир признается высшей ценностью бытия, а степень (качество) развития человека и общества – мерилom социального прогресса.

Есть основания полагать, что на поверхностном уровне многое из западной культуры в той или иной степени воспринимается остальным миром. Но на глубинном уровне западные идеи и представления значительно отличаются от тех, которые присущи другим цивилизациям. “В исламской, конфуцианской, японской, индуистской и православных культурах, – замечал С. Хантингтон, – почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство закона, демократия, свободный рынок, отделение церкви от государства. Усилия Запада, направленные на пропаганду этих идей, зачастую вызывают враждебную реакцию против “империализма прав человека” и способствует укреплению исконных ценностей и собственной культуре” [8, с. 43]. Как показали исследования значимости ста ценностных установок в различных обществах, “ценности, имеющие первостепенное значение на Западе, гораздо менее важны в остальном мире” [15, p. 41].

Опыт конца XX – начала XXI вв. показывает, что путь обществ в индустриальную и особенно постиндустриальную фазы развития может пролегать и происходит на основе различных социокультурных и цивилизационных ценностей. Развитие стран Азиатско-Тихоокеанского региона свидетельствует о том, что формы западной социальной и политической организации не являются неизбежным следствием замены феодализма, традиционализма и аграрной системы хозяйства новыми промышленными технологиями. Напротив, западный индивидуализм, введение светского образования, признание особой роли средних классов и принадлежность к ним, рост либерализма и плюрализма групповых интересов, множество других особенностей, которые неотделимы от религиозной, семейной, социальной и политической систем и порядка стран Западной Европы и США, следует рассматривать как одну из возможных альтернатив перехода к урбанистическо-индустриальному общественному устройству, а не обязательно как более совершенную или более нравственную.

Следует внести определенную поправку в устоявшееся представление о восточных культурах как исключительно социально-коллективистских, а о западных – как исключительно индивидуалистских. Оба эти начала присущи любой значимой культуре и политике, но

выражаются и проявляются с различной интенсивностью. Равным образом следует осторожнее относиться к безоговорочному отождествлению присущих постиндустриальному развитию и модернизации социально ориентированной рыночной экономики и рыночных отношений с плюралистической политической демократией и индивидуализмом. Если на Западе социально ориентированная экономика и сложившаяся демократия зиждилась на ценностях индивидуализма и рациональности, то на Востоке эти же процессы основывались преимущественно на коллективистских принципах и ценностях.

Япония, Южная Корея, Тайвань и другие модернизирующиеся государства Востока, успешно вышедшие на “пик” технического прогресса, могут рассматриваться как некие восточные техногенные сообщества. Вместе с тем по взаимоотношениям личность – общество, во взаимоотношениях между людьми, в системе ценностей и приоритетах, в стремлении сохранить самих себя, свой образ жизни эти страны сохранили свою приверженность к традиционным цивилизационным и культурным матрицам.

Опыт современной модернизации ряда стран Востока, свидетельствует, что перемены в них начинались не с либерализации государства, как это было, во всяком случае, согласно теории, на Западе, а иначе - когда государство действовало в качестве иницилирующей силы, организатора акций и мероприятий, сделавших необратимыми процессы утверждения рыночных ценностей, норм и отношений в экономике”. Причем, что модернизирующимся государствам Востока в основном удалось сохранить базовые культурные ценности, устоявшиеся доминанты властных отношений.

Успех восточной постиндустриальной модернизации обусловлен сохранением традиционных политико-культурных ценностных ориентаций, единства нации, скоординированными действиями правящей элиты (элит), активным функционированием авторитарных или авторитарно-либеральных режимов, содействующих развитию современных рыночных отношений в русле национально-цивилизационных приоритетов. В этих государствах удалось выдвинуть национальную идею, объединившую подавляющее большинство народа на базе уважения традиционных культурно-политических ценностей и активного включения в мировые рыночные и информационные отношения. Именно сохранение традиционных ценностей и ориентировок позволило странам Востока освоить многие достижения западной техногенной цивилизации, не вестернизируясь в буквальном смысле этого слова, модернизироваться экономически, сохранив основополагающие черты своей традиционной культуры, сохранив и развив и приумножив свою идентичность. Они показали, как отмечал академик Н.Н. Моисеев, что особую эффективность “симбиоза

традиционного и техногенного” или, точнее, “симбиоз свойств, присущих той или иной цивилизации, с требованиями современности. С одной стороны, адаптация этих свойств к таким требованиям, а с другой – опора на эти свойства” [2, с. 223].

Развитие стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока показывает, в частности, на ряд важных уроков и для других регионов. Среди них: а) вывод о том, путь к прогрессу пролегает не через копирование западного пути развития, а через выработку “собственных решений”; б) тезис о необходимости роста понимания того, что у народов Азии есть свое богатое социальное, культурное и философское наследие, способное содействовать модернизации и прогрессу этих сообществ.

Современное развитие новых индустриальных стран Востока свидетельствует о том, что некоторые формы западной культуры не являются неизбежным следствием перехода к высокоразвитому обществу. Далеко не всегда их необходимо рассматривать как самые совершенные и нравственные. Человечество может и должно использовать, наряду с западным, своеобразный и богатый культурный опыт развития восточных и иных цивилизаций. Известный арабский исследователь А. Муниф писал, что “Нация, у которой есть свои собственные уходящие корнями в далекое прошлое история, цивилизация и культура, отличается от корабля, пассажиры которого, собравшись вместе по воле случая и приключений, воображают, что при помощи денег и высокомерия они способны создать свою собственную историю” [3, с. 332].

Интересно мнение Президента Тайваня Чэнь Шуйбяня о проблеме сохранности и преемственности культурных ценностей. Он писал, что “в условиях новой эры, в которой духовное потребление будет играть главную, а материальное потребление – вторичную роль, нужно будет провести радикальные реформы в сфере культурной и образовательной политики; высшим приоритетом должно стать обеспечение сохранности культурного достояния и передача следующим поколениям наследия цивилизации. Тайвань принадлежит к культуре Востока, его долг – определить духовный эталон для Восточной цивилизации. В пике аналитическому западному мышлению Тайвань должен разработать модель синтетического мышления, включив в нее и западную культуру, чтобы в духовной сфере воплотить сплав межкультурного видения” [9, с. 252].

Вступление человечества в современный Миллениум, воспринимается Западом как его *Третье* тысячелетие (если считать по принятой системе летоисчисления, от рождения Иисуса Христа). Но для Востока оно одновременно является уже, как минимум, *Шестым (!), циклично* запечатленным в исторической памяти и традиции восточных обществ. В этом смысле, как

исторический, так и современный потенциал восточных культур бесценен. Далеко еще не оценена в полной мере та роль, которую уже сыграл и сыграет в будущем культурный и этический опыт индийской и других восточных цивилизаций в поиске выхода из духовного кризиса западного “общества потребления”, в становлении новой системы “пост-материальных ценностей”. Важно, что не только западное влияние распространяется на Восток и Юг, но и западная цивилизация формирует в самых разных своих аспектах – ряд новых качеств, структур и тенденций благодаря процессу взаимообмена с другими обществами.

Особенно важную роль в развитии восточных цивилизаций играют интегрирующие их общества системы ценностей, например, конфуцианство. Творец сингапурского экономического подъема Ли Куан говорил о важности конфуцианства следующее: “Мы на этом держимся, если мы позаимствуем западные моральные ценности, силы сцепления, которые поддерживают наше общество, рухнут” [17, р. 46].

Опыт России 90-х гг. XX в. и ряда других стран показали, что недооценка базовых национальных ценностей культуры, отказ от государственного и общественного контроля при осуществлении реформ либерального характера, переоценка роли либеральных принципов в транзитных обществах привели не к развитию, а к стагнации социума, к падению промышленного производства, снижению нравственного и культурного потенциала соответствующих обществ. Профессор В.М. Соколов в этой связи писал: “В корне неверно утверждение наших либералов о том, что их теории единственно верные и неизбежны для всех. Они отчасти разделяются только Западно-Европейской и Североамериканской цивилизациями, составляющими явное меньшинство среди человечества... Почему не пытаются разрушить свой менталитет японцы? Они успешно строят свое постиндустриальное общество, основанное на приоритете государства над личностью, не изменяя корпоративного характера своего мышления. Почему в той же Франции и государство и общество так настойчиво борются против попыток размыть национальное, против того, чтобы чуждая культура не проникла к ним?” [6, с. 47].

По мнению ряда исследователей, в процессе развития стран Восточно-Азиатского региона за последние десятилетия, в них происходил параллельный процесс преобразования стандартов западной цивилизации под культурную матрицу “азиатских ценностей”.

Если проанализировать особенности экономического развития данного региона через призму общих “азиатских ценностей”, таких как модернизация, гармоничность, самоконтроль, сдержанность, многообразие, то можно проследить ряд определенных особенностей развития Восточно-Азиатских государств.

Во-первых, большинство стран Восточной Азии сделало упор на развитие современной промышленности, структуризацию современного города и формирование современного образа жизни на базе традиционных ценностей или их совмещения с западными культурными формами. Стремление преодолеть исторически сложившуюся изоляцию от остального мира, отставание от достижений технологического прогресса трансформировались в устойчивую культурную мотивацию к модернизации. В экономике это вылилось в развитие современных отраслей промышленности, в развитие высокотехнологичных сфер производства, в активную поддержку научных исследований. Усиленное внедрение информационных технологий в жизнь общества, появление телевизоров, видеомагнитофонов, компьютеров сопровождалось популяризацией западной культуры, ценности которой поначалу воспринимались без каких-либо критических оценок. Эти тенденции вскоре получили название “де-азиация”, так как размывали некоторые основополагающие ценностные принципы азиатской культуры.

Во-вторых, стремление к модернизации жизни, обновлению общества не разрушило базовые традиции и устои этих обществ. Принятие элементов плюрализма прошло также без особого сопротивления, так как эта идея нашла естественные корни в многочисленных религиях Восточной Азии. Огромное многообразие языков, религий, традиций, существовавших в регионе, требовало взаимного терпения и уважения друг друга. Основные влиятельные религии этого региона – индуизм, буддизм, ислам и конфуцианство (как морально-этическое учение) – исходят именно из плюралистического элемента. Эти традиционные представления о непременном уважении иных культурных обычаев очень облегчают проникновение западных ценностей и их взаимодействие с “азиатскими ценностями”. В то же время, западные и иные идеи очень часто находят своеобразное преломление в глубинных восточных культурах, приспосабливаются к ним.

В-третьих, одним из основных культурных принципов, характерных для большинства стран Восточно-Азиатского региона, является сдержанность и самоконтроль. Буддизм, ислам и конфуцианство базируются на таких идеалах как усердие, бережливость и аскетизм и исповедуют самоконтроль. Усердная работа в сочетании с ограничением желаний, осуждение бессмысленной траты денег и времени является обычными культурными приоритетами. Поэтому возможность мобилизации рабочего ресурса в системе ускоренного экономического развития может быть выше, чем в западных странах. Так, например, японская мораль постоянно требует от человека самопожертвования во имя выполнения долга или своего обещания (“тири”). К тому же он с детства приучен не причинять неудобство другому. Именно

эта черта национального характера японцев создала их имидж – организованные, пунктуальные, обязательные и умеющие быть хозяином своего слова.

В-четвертых, признание необходимости учета взаимосвязанности и взаимообусловленности окружающего мира является важной предпосылкой устойчивого экономического развития, а также активного взаимодействия различных культур. Эта идея основана как на христианской, так и на еще более ранней, восточной максиме о том, что доброжелательность людей должна возмещаться доброжелательностью. Такое понимание мира выстраивает не только вертикальные, но и горизонтальные отношения между людьми и распространяется как на корпоративные, так и на общественные отношения. Современные восточные производственные сети во-многом основаны на взаимоотношениях, которые характерны для социальных сетей восточного же общества.

Приведенные выше соображения о взаимодействии западной и восточных культур во-многом объясняют характерные черты и специфику генезиса и социодинамики государств Восточной Азии в конце XX начале XXI вв. Особенности экономического развития рассматриваемых стран, как известно, получили название “азиатского чуда”. Однако ключом к их разгадке являются не только факторы собственно экономического порядка, но и то, что они сопровождались и сопровождаются постоянными процессами трансформации и взаимного восприятия западной и азиатской культур.

В результате всего этого синтезировалась новейшая культура Восточно-Азиатского региона, которую С. Хантингтон и другие исследователи определяют как комплекс современных “азиатских ценностей” [11]. Они представляют собой сочетание традиционных культурных представлений, (корни которых уходят к основным религиозным течениям Востока), с современными, в том числе, западными формами рыночных и иных отношений, на базе тех или иных национальных идей и принципов. Возможность совмещения различных культурных традиций, творческого использования их в современных условиях породила в результате значительный экономический рост и подъем Восточно-Азиатского региона, что соответственно, повлекло за собой качественное улучшение условий жизни и труда, вывело эти страны на иной экономический и политический уровень, повысило роль и авторитет в мировом сообществе. Указанное культурное взаимодействие отражает способность соответствующих государств, наций или этносов уловить ведущий вектор мирового развития, который определяют глобализационные тенденции, охватившие многие сферы деятельности человеческого общества.

Понятно, что в каждой стране Восточно-Азиатского региона есть свои значительные цивилизационно-культурные и политические особенности развития. Их следует учитывать при изучении генезиса рассматриваемых обществ. Так, например, в политической культуре Китае важную роль играет конфуцианская традиция авторитарного и ответственного правления, преломляемая современными ценностями “рыночного социализма”. В небольшом Сингапуре была с успехом использована стратегия эффективного (честного и прозрачного) управления, сделавшего акцент на развитии экспортных вариантов производства качественных и относительно дешевых радиоэлектронных товаров. В Японии широко используется последствия феномена многовековой закрытости этого общества и умения населения страны приспосабливать к ее интересам достижения мировой цивилизации и т.д.

Искусство творчески применять и приспосабливать зарубежный опыт к именно своим, национальным ценностям, является ключом к пониманию успехов в развитии японского общества. *“Издалека в нашу страну (Японию) пришли идеи Конфуция, Мэн-Цзы, Чжуан-Цзы и других выдающихся китайских мыслителей, – писал выдающийся деятель японской культуры Акутагава Рюноске. – Мудрецы Китая, кроме учения Дао, принесли шелка, яшму и нечто более благородное и чудесное, чем яшма, – иероглифы. И ведь не иероглифы подчинили нас, а мы подчинили себе иероглифы. Не то наш язык мог бы стать китайским. Наша сила не в том, чтобы разрушать. Она в том, чтобы переделывать”*.

Первые шаги по пути формирования планетарной цивилизации показывают, что этот процесс менее всего похож на механическое слияние различных локальных цивилизаций, их развитие по западным образцам. Это необычайно сложное и противоречивое явление, зримые вехи которого теряются в третьем тысячелетии. Сегодня наиболее очевидное его проявление – “мягкое” усвоение или применение обществами “Востока” и “Юга” технологии, политических, экономических и культурных форм, выработанных в лоне западной цивилизации, но без механического переноса чужеродных ценностей или принципов в солидаристские восточные культуры. С другой стороны, все более заметным становится возрастающее значение для Запада и других регионов продуктов культурного и социально-экономического развития восточных обществ. На Востоке некоторые традиционные цивилизации (Япония, Китай, новые индустриальные страны Дальнего Востока и др.) вступили или вступают в новый период развития, доминантой которого выступает “традиционалистско-техноэкспортная” направленность бытия. Тем самым можно сформулировать закономерный вывод о том, что у разных цивилизаций могут быть общие или сходные технологические основы, но различные системы ценностей.

Так, для США одной из важнейших национальных проблем является сегодня “восточный вызов”, суть которого – явное превосходство вторгающихся в экономику иных способов хозяйственной деятельности, выросших из соединения западной технологии с социокультурными традициями Японии и других стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Усилился потенциал арабо-исламской цивилизации и центростремительные тенденции ее развития, обострились геополитические противоречия между США и арабским миром.

Население Азии продолжает бурно расти, в то время, как население Запада в целом не увеличивается. На долю стран Азии уже приходится более половины численности населения планеты (3,7 млрд. человек). В условиях постоянного экономического и технологического роста, мобильных капиталов, растущее население будет означать колоссальные трудовые ресурсы и огромный, динамичный рынок. В Азии (и даже в Африке), по примеру европейских стран, также обсуждается вопрос о возможности в перспективе создать азиатскую общерегиональную денежную единицу. “Азия – самый большой континент, на который приходится треть всей суши и более половины населения Земли. Роль ее постоянно растет и, я уверена, будет расти и в будущем”, – писала, неоднократно посещавшая азиатский континент, М. Тэтчер [7, с. 137].

Интересно, что США 47 лет, чтобы удвоить свой ВВП на душу населения, Японии – 33 года, Индонезии – 17 лет, Южной Кореи – 10. Прогнозы показывают, что к 2020 г Азия будет производить более 40% мирового ВВП [4, с. 31]. Некоторые исследователи полагают, что “этот экономический успех во-многом объясняется азиатской культурой, которая превосходит культуру Запада, где имеет место культурный и социальный упадок” [5, с. 159].

В Азии расположены четыре ключевых государства, от перспектив развития которых будет зависеть как этот макро-регион, так и судьбы ближайших цивилизаций. О многом заставляет подумать выход Китая в начале XXI в. на второе место в мире по производству промышленной продукции, на третье – по масштабу рынка торговли через Интернет в странах СВА, превращение в третью космическую державу. Традиционно сильные технологические позиции занимает Япония (третье место в мире по объему ВВП). Индия, население которой превысило 1 млрд. человек, также стала ядерной державой и все активнее развивает свою электронную и военно-космическую промышленность. Индонезия (более 200 млн. человек), является крупнейшей в мире мусульманской страной с большими возможностями влияния на Востоке.

Среди ценностных принципов АТР весьма важны: роль семейных уз, чувство ответственности, установки на бережливость, осторожность в действиях, ориентация на собственные культурные образцы и др. Известный политический деятель Малайзии, президент Организации исламская конференция Махатир Мохамад заявлял, что “азиатские ценности являются действительно универсальными, представители Запада неоднократно пользовались ими” [14]. Так, “Азиатское чудо” Сингапура во-многом стало возможным “исключительно благодаря суровости законодательной машины, плюсам и минусам колониального прошлого, а также трудолюбию и самоотречению местных жителей” [16, р. 14].

М. Тэтчер убедительно показала в своей книге, что анализ развития стран Дальнего Востока совершенно очевидно раскрывает “значение культуры как компонента экономического успеха и фактора, влияющего на социальные и политические институты” [7, с. 140]. Вместе с тем, понятно, что “азиатские ценности” и специфика азиатских авторитарных режимов не должны использоваться в качестве своеобразного оправдания нарушений прав человека, на что неоднократно обращали внимание многие представители Запада.

В странах Востока, где преобладают мощные духовно-религиозные системы и течения: буддизм, индуизм, ислам, конфуцианство, синтоизм и др., были свои особенности в развитии потребностей и способностей человека, его знаний и навыков, мотивационного механизма. Здесь индивидуальные склонности, способности и интересы, личные свободы играли подчиненную роль, на первый план выдвигались интересы государства, коллектива, семьи. Последние десятилетия на Востоке формируется и гражданское общество, но здесь оно приобретает своеобразные традиционистские черты.

Характерна значительную эмиграцию азиатского населения в страны Запада, создающего обширные районы новых этносов, религий и ценностей. С одной стороны, это ведет к взаимопроникновению различных культур, с другой создает весьма серьезные этнические проблемы на Западе, по мере увеличения в них представителей восточных цивилизаций. Применительно к Западу, может возникнуть эффект его “обратной этнической колонизации” со стороны Востока.

Сингапурский ученый М. Кишор в своей, популярной во многих странах Азии книге, предложил ряд правил культурного мышления и поведения для жителей развивающихся стран на рубеже XXI века. Среди них: 1) Стоить винить за провал своей страны только самих себя; 2) Необходимо признать, что коррупция – основополагающая причина провалов в развитии большинства стран; 3) Перестать залезать в долги развитым странам; 4) Не изобретать заново колесо и не быть заложником изживших себя идеологий; 5) Обратить особое

внимание на идеи Адама Смита о производительном труде, богатстве и накоплении; 6) Верить в то, что развивающийся мир может приблизиться к социально-экономическим достижениям Европы и др [12, p. 159-160].

Страны Востока все большее внимание уделяют освоению достижений научно-технической и технологической революции для ускоренной модернизации своих обществ в рамках сложившейся системы ценностей, а также в целях усиления их конкурентноспособности в глобальном мире. Так, можно обратить внимание на то, что Тайвань стал пятой страной в мире по производству микропроцессоров. В странах АТР на научные исследования и прикладные технологические разработки расходуется более 3% ВВП. В этой связи Президент Тайваня Чэнь Шуйбянь высказывал следующую мысль: “Используя энергию движения человечества в сторону духовного потребления и задействовав находящуюся в нашем распоряжении технологию аппаратного и программного обеспечения, применяющуюся в информационной индустрии, мы должны сотрудничать с технологически развитыми странами, для того, чтобы ускорить развитие исследований в области виртуальной реальности и продвинуть на рынок соответствующие продукты потребления. Таким образом, мы сможем продвинуть всю тайваньскую экономику к информационному и интеллектуальному типу экономики, основанному на духовном и виртуальном потреблении” [9, p. 252].

С другой стороны, все еще велика зависимость стран Востока от конъюнктуры мирового рынка, массивов зарубежных инъекций, технологических и научных достижений стран Запада. Пока речь идет лишь об успешном “догоняющем развитии” Запада рядом государств Азии. Сможет ли Восток перехватить лидирующую роль в мире (через лидерство в высоких технологиях) к середине XXI в. – вопрос пока проблематичный. Будущее покажет.

У стран АСЕАН сформировалась атмосфера доверия и взаимопонимания, несмотря на наличие у ее участников серьезных разногласий. В силу этого им удастся избежать судьбы, постигшей, скажем, европейские Балканы. Можно сказать, что если из стран АСЕАН “магия мира, стабильности и процветания” распространится на все страны Тихоокеанского и другие регионы, то все они, выиграют.

Целесообразно обратить внимание на пример Сингапура, который мог бы помочь решить проблемы перенаселенной планеты. Если этой крошечной и самой перенаселенной страны в мире (около 5 тыс. человек на 1 кв. км.) – удалось достичь высокого уровня жизни, то и другие государства мира могут нормализовать социальную ситуацию в условиях перенаселения. При “переносе” жизненных стандартов сингапурцев на другие страны, все человечество может

обойтись территорией Юга Африки. Этот гиперболический пример показывает важность введения общепринятых международных жизненных стандартов и достижения разумного равновесия между социумом и природой.

По мере развития общества Востока, они сами демонстрируют поливариантность политического и культурного развития. Очевидно, что комплексный компаративистский анализ должен отразить все цивилизационно-национальное и социокультурное многообразие действительности Востока и ее динамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования /Пер. с англ. // Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: “Academia”, 1999. С. 650.
2. Моисеев Н.Н. Быть или не быть ... человечеству? – М., 1999. – С. 223-224.
3. Муниф А. Право “третьего мира” не соглашаться // Хрестоматия по сравнительной политологии: Запад – Восток – Россия // Под ред. А.М. Ушкова. – М.: НИП, 2000. – С. 332.
4. Рогачев С.В. Политико-экономическая доминанта российской государственности: вызовы XXI века. – М.: МГСУ, Институт комплексных социальных исследований, 2003. – С. 31.
5. Самюэль Хантингтон. Столкновение цивилизаций /Пер. с англ. – М.: “АСТ”, 2003. - С. 159. Pulse. – 2003. - №13. – С. 14.
6. Соколов В.М. Патриотизм – суть русского менталитета // ПОИСК. Вып. 4. Актуальные проблемы духовности, культуры, искусства. – М., 2003. – №4. – С. 47.
7. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира /Пер. с англ. – М.: “Альпина паблишер, 2003. – С.137, 140.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. – №1. – 1994. – С. 43.
9. Чэнь Шуйбянь. Сын Тайваня. – М., 2001. – С. 252-253.
10. Fukuyama F. The End of History // The National Interest. – Summer, 1989. – P. 17–18.
11. Huntington S. The “Asian Miracle” and the “Asian Values” // <http://www.csic.org/>
12. Manbubani Kishore. Can Asians Think? – Singapore, Kuala Lumpur, 1998. P. 159-160.
13. Martinelli, Alberto. Presidential Address to XV World Congress of International Sociological Association: Markets, Governance, Communities and Global Governance. – Australia, Brisbane, 2002. P. 2.
14. “New Straits Times, Sept. 4, 1997
15. “New York Times”, Dec. 25, 1990. – P. 41.
16. Pulse. – 2003. - №13. – С. 14.
17. Song B. The Rise of the Korean Economy. – Oxford, 1990. P. 46.

Ирхин Юрий Васильевич, 438-25-59